Гусева Ольга Валерьевна

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена роли польского писателя Генрика Сенкевича в изменении отношения к теме детства в литературе и формировании современной польской литературы для детей и юношества. Автор рассматривает как произведения Сенкевича, написанные для взрослых, но вошедшие в детское чтение, так и его оригинальное творчество для детской аудитории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 29-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

<u>© Издательство "Грамота"</u>

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.162.1

Статья посвящена роли польского писателя Генрика Сенкевича в изменении отношения к теме детства в литературе и формировании современной польской литературы для детей и юношества. Автор рассматривает как произведения Сенкевича, написанные для взрослых, но вошедшие в детское чтение, так и его оригинальное творчество для детской аудитории.

Ключевые слова и фразы: польская литература XIX в.; польская детская литература; литература о детях; творчество Генрика Сенкевича; эпоха позитивизма; проза.

Гусева Ольга Валерьевна, к. филол. н., доцент Санкт-Петербургский государственный университет gusewa2004@mail.ru

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 2016 году в Польше отмечается столетие со дня смерти Генрика Сенкевича (1846-1916) – нобелевского лауреата в области литературы, классика польской литературы, крупнейшего писателя и публициста, автора ряда социально-бытовых и исторических романов. Сенат Республики Польша объявил 2016 год годом Генрика Сенкевича, чтобы, как говорится в постановлении Сената, «в столетие со дня смерти отдать дань памяти этому великому поляку и способствовать популяризации его творчества и идей, содержащихся в его книгах» [11].

В России творчество Генрика Сенкевича известно довольно широко — на русский язык переведены его важнейшие произведения: новеллы, заложившие основы польского реализма, знаменитая историческая трилогия («Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский»), романы «Крестоносцы», «Камо грядеши», «Семья Поланецких», «В пустыне и в джунглях» и другие. В Польше творчеству Сенкевича посвящены десятки научных монографий, он занимает почетное место в учебниках истории польской литературы как один из творцов нового направления — позитивизма, который в русском литературоведении получил название критического реализма. Масштаб личности и творчества Сенкевича настолько велик, что в исследованиях зачастую не остается места для освещения одной из граней его таланта — одним из первых в польской литературе он взглянул на мир глазами ребенка, изменил отношение к теме детства в литературе и стал создателем приключенческого романа для юношества, вдохновив своим примером других авторов «большой» литературы на творчество для детей.

Целью данной статьи является освещение влияния польского нобелевского лауреата на формирование современной детской литературы в Польше. В нашу задачу входит также очертить круг произведений Г. Сенкевича, которые редко рассматриваются в контексте детской литературы, но которые оказали огромное влияние на следующие поколения детских писателей и тем самым способствовали повышению общего уровня детской литературы.

Родившаяся в начале XIX в. польская литература для детей и юношества долгое время оставалась «золушкой» национальной литературы. Две ветви единой национальной литературы – специальная детская литература и общая литература – на протяжении нескольких десятилетий отвергали друг друга. Создатели литературы для взрослых свысока смотрели на детскую литературу, считая ее прикладной отраслью педагогики. Педагоги же допускали в официальную детскую литературу далеко не все из написанного для взрослых. Вплоть до эпохи позитивизма признанные во «взрослой» литературе авторы сознательно не опускались до творчества для детей, хотя отдельные их произведения и проникали в детское чтение, поскольку их поэтика была близка детскому восприятию. Но издать книжку с подзаголовком «для детей и юношества» (что было неотъемлемой чертой специальной детской литературы в Польше) могли себе позволить только педагоги, сочинявшие для пользы своих воспитанников. Писатели, имевшие вес в литературном мире, не снисходили до детской аудитории.

Сложившаяся в литературном мире ситуация меняется лишь на рубеже 70-80-х годов XIX века, когда заявили о себе крупнейшие авторы польского позитивизма: Г. Сенкевич, Б. Прус, Э. Ожешко. Вместе с их творчеством в польскую литературу приходит тема детства [1, с. 10]. До эпохи позитивизма она лишь изредка появлялась в литературных произведениях, в основном в поэтических, как мотив, создающий лирическое настроение. В 70-е годы XIX века детская тематика по-новому зазвучала в польской литературе, появившись сразу в двух аспектах: психологическом и социальном. Важную роль в развитии социального аспекта темы детства сыграли настроения эпохи, пробудившие сочувствие к тяжелому положению неимущих, слабых, обездоленных, не способных к борьбе за собственное существование. Ввиду своей физической слабости, ребенок, рассказывающий о тяжелой и страшной жизни, лучше мог проиллюстрировать моральную несправедливость, чем взрослый. Писатели осознали, что обида, нанесенная ребенку, сильнее воздействует на психику взрослого читателя.

Взгляд на мир глазами ребенка как литературный прием не был открытием польских авторов: к тому времени уже были написаны романы Ч. Диккенса и В. Гюго о детях с недетской судьбой. Психологическое открытие феномена детства приходит и в русскую литературу. Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852-1856) и повесть С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858) ввели в русскую литературу нового героя – ребенка с его уникальным, неповторимым миром чувств, мыслей, интересов. В психологическом аспекте к теме детства как истоку человеческой личности обращаются И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский. Выходят в свет автобиографические рассказы и повести: «Святки» (1854) М. Л. Михайлова, «Очерки бурсы» (1863) Н. Г. Помяловского, «Детство Темы» (1892)

Н. Г. Гарина-Михайловского. Произведения, раскрывающие тайны внутреннего мира детей, в 1880-е гг. создает А. П. Чехов. Параллельно с психологическим открытием ребенка в литературе развивается и социальный аспект темы детства – живой упрек жестокому обществу. Тема обездоленного, несчастного детства как иллюстрация социальных проблем возникает в произведениях Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883), В. Г. Короленко «В дурном обществе» (1885), во многих рассказах А. П. Чехова. Сами за себя говорят названия рассказов писателя-народника П. В. Засодимского: «В приюте», «В метель и вьюгу», «Бесприютный», «Бедный Христос», – в них речь идет о беспомощных маленьких существах, умирающих от голода и замерзающих на улицах. Для польских авторов, как и для русских, взгляд на проблемы своего времени глазами ребенка стал своего рода «эзоповым языком»: ребенок, в отличие от взрослого, мог заявить, что «король-то голый».

Герой-ребенок занимает значительное место и в творчестве выдающихся писателей польского позитивизма. В 70-90-е годы XIX века в Польше выходят в свет рассказы Г. Сенкевича о детях, у которых нет детства, о детях, блуждающих по улицам больших городов, о крестьянских детях, изнуренных тяжелым трудом, о голодных, одетых в лохмотья детях, отвергнутых обществом или ставших игрушками в чужих руках. Сенкевич вводит в свои произведения маленьких беззащитных героев, чтобы ярче продемонстрировать глубину общественных противоречий. Ставшая хрестоматийной новелла «Янко-музыкант» (1879) [3] рассказывала о смерти мальчика, забитого до смерти за то, что он посмел дотронуться до чужой скрипки, о которой так мечтал. Трагедия талантливого деревенского паренька, погибающего среди глухого невежества, варварства и беспросветной нужды, показана глазами ребенка, не умеющего ни понять, ни объяснить смысл всего происходящего. В этой новелле Сенкевич пытался достучаться до взрослых читателей, но она была воспринята детьми как написанная для них и практически сразу вошла в круг детского чтения. На русский язык эту новеллу перевел В. Г. Короленко, сделав ее достоянием и русской детской литературы [2].

Новелла «Из дневника познанского учителя» (1879) [9], рассказывавшая о тяжелой судьбе польского ребенка, вынужденного учиться в немецкой школе и зубрить уроки на чужом языке, слушать язвительные комментарии немецких учителей об истории и обычаях его родной страны, была близка и понятна юным жителям Царства Польского, где языком обучения был русский. Ее действие происходит в прусской школе, но та же ситуация была и на территории Варшавского Княжества, где использование польского языка запрещалось не только в классах, но и в школьных коридорах. Первоначальное название новеллы Сенкевича «Из дневника репетитора» лишь из цензурных соображений было заменено на «Из дневника познанского учителя».

Вместе с новеллами «Сахем» (1889) [6] и «Орсо» (1880) [5] Сенкевича из большой литературы в детскую пришли проблемы патриотизма и чувства национального достоинства. Если в первой из новелл грозная песнь потомка вождей индейского племени, заставившая вздрогнуть обывателей, оказывается фарсом, трюком циркача, то юные герои второй – актеры бродячего цирка – пытаются защитить свою веру в Бога, доброту и милосердие. Эти новеллы играли большую роль в патриотическом и гражданском воспитании молодого поколения.

Несмотря на большую популярность «детской» темы во второй половине XIX в., использование темы детства и детских образов в художественной литературе ни в коей мере не означало, что эти произведения создавались для детей. Критерий художественности, который делает книгу «детской», не зависит от наличия или отсутствия героя-ребенка. Поэтика «детскости» в произведении проявляется в интонации, стиле, преобладании чувственно-представимых образов над абстрактными. Проблематика, образная структура таких новелл Сенкевича, как «Янко-музыкант», «Сахем», «Орсо», «Из дневника познанского учителя», во многом были близки детям, которые понимали их на своем уровне. Их волновала судьба героев, их ровесников. Психологически правдивые образы маленьких героев заставляли читателей сопереживать им, принимать близко к сердцу все тяготы, выпавшие на их долю. Эти произведения вошли в детское чтение – неотъемлемую часть детской литературы. Но, будучи адресованными взрослым, они оказали значительное влияние и на детскую литературу, вывели ее на новый этап развития, обогатили новыми образами. В детскую литературу пришла большая социальная проблематика, детские писатели впервые обратили внимание на новую для польской детской литературы тему – психологию маленького человека. Так, благодаря авторитету крупного писателя, происходило сближение двух литератур, детская литература становилась частью общелитературного процесса, решая вместе с большой литературой проблемы первостепенной важности.

Если новеллы Сенкевича пользовались популярностью у детей и подростков, то еще больший успех выпал на долю его исторических романов «Огнем и мечом» (1884), «Потоп» (1886), «Пан Володыевский» (1888), вошедших в знаменитую «Трилогию» [7], и романа «Крестоносцы» (1900) [4]. Описания героических сражений, стычек и поединков, романтика побегов и погонь отвечали потребностям и литературным пристрастиям юных читателей. Их привлекали образы героев-рыцарей, преодолевающих бесчисленные препятствия и побеждающих самых грозных соперников. Основная идея «Трилогии» – написание произведений, посвященных славным страницам польской истории, – отвечала и задачам педагогов: подобное чтение пробуждало чувство национального самосознания, патриотизм, интерес к героическому прошлому Польши, высокие понятия о чести, веру в лучшее будущее страны. Но драматизм судеб главных героев, их любовные перипетии, ирония – не все отвечало в полной мере требованиям дидактики. Педагоги были уверены, что дети не поймут романов Сенкевича, а если и поймут, то что-нибудь лишнее. Поэтому в официальную детскую литературу конца XIX века исторические романы Сенкевича приходят в виде пересказов и адаптаций. Выходят в свет тоненькие книжки с пересказами содержания романов с подзаголовками: «для народа», «для молодежи», или, что еще более знаменательно, «для народа и молодежи». Уравнивание сознания мужика и ребенка, произошедшее еще на заре возникновения детской литературы, сохранилось до конца XIX в. Против такого

сомнительного обозначения адресата выступала критик А. Шицувна, замечая, что это «ошибка – говорить с взрослым человеком из народа так, как говорят с ребенком из образованных слоев общества и давать в руки детям крестьян то, что с пользой могут читать их родители» [10, s. 100]. Тем не менее, для «незрелых» по возрасту или по восприятию читателей публикуются отдельные фрагменты из «Трилогии»: «Живописные описания польских сражений в Трилогии», «Битва под Грюнвальдом», «Исторические картинки из "Потопа"», «Защита Ченстоховы: Картинки времен шведской войны (Из романа "Потоп" Сенкевича)» и др. Безусловно, все исторические романы Сенкевича читались полностью и без оглядок на мнение педагогов. Герои его романов сразу же стали кумирами юных читателей, вытеснив из их сердец французских мушкетеров. Но наличие огромного числа адаптаций свидетельствовало о том упорном сопротивлении, которое специальная детская литература оказывала чуждому ей «непедагогизированному» детскому чтению.

Сам Сенкевич соглашался с необходимостью адаптаций его романов для народа, но считал лишним переделывать «Трилогию» для юных читателей, «поскольку дети отлично читают оригинал» [12, s. 222]. Адаптации произведений Сенкевича не выдержали испытания временем – в современную детскую литературу его исторические романы вошли полностью. Основным их значением было то, что они подняли на новый уровень беллетристику для юношества второй половины XIX века: от популяризации истории, понимаемой упрощенно, с дидактической точки зрения, беллетристика шагнула к широкой исторической проблематике.

Уже в XX в. Генрик Сенкевич впервые напрямую обращается к творчеству для детей. Он пишет роман «В пустыне и в джунглях» (1910-1911) [8] о приключениях двух детей в Африке: в пустынях Судана, в джунглях, среди диких зверей и еще более диких людей. Образ главного героя — 14-летнего поляка Стася — стал наибольшим художественным достижением автора в этом романе. Стась не олицетворяет одни лишь положительные качества, он не подчиняется заранее заданной программе, как это происходит с героями многих романов второй половины XIX века. Он растет и развивается по ходу действия, и это изменение характера происходит не во имя моральных принципов, а из внутренней потребности. Новым в польской детской беллетристике было то, что впервые не герой подчинялся действию, а, напротив, действие работало на него, способствуя его духовному росту. Несмотря на то, что роман был написан уже на новом этапе развития польской литературы, в нем сильно влияние идей позитивизма: автор большое внимание обращает на познавательный момент и сохраняет верность исторической правде. Это в сочетании с занимательной фабулой обеспечило роману долгую жизнь, а заслугой Сенкевича стало то, что он поднял на качественно новый художественный уровень — жанр приключенческого романа для детей.

Таким образом, творчество Сенкевича сыграло решающую роль в формировании нового типа прозы для детей и юношества в польской литературе: авторитет нобелевского лауреата открыл дорогу к творчеству для детей профессиональным литераторам, его новеллы о детях показали важность психологического подхода в раскрытии детских образов, а романы знаменовали новый этап в развитии детской беллетристики. В наше время произведения Г. Сенкевича входят в золотой фонд польской детской литературы.

Список литературы

- Гусева О. В. Классики польской литературы как авторы литературы для детей // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. Вып. 14. Секция истории славянских литератур и литературных взаимодействий (15-22 марта 1999). С. 9-12.
- **2.** Сенкевич Г. Янко-музыкант / пер. В. Короленко // Сенкевич Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. С. 240-246.
- 3. Sienkiewicz H. Janko Muzykant // Nowele wybrane. Warszawa: PIW, 1957. S. 97-106.
- 4. Sienkiewicz H. Krzyżacy. Kraków: Greg, 2001. 589 s.
- 5. Sienkiewicz H. Orso // Nowele wybrane. Warszawa: PIW, 1957. S. 321-348.
- 6. Sienkiewicz H. Sachem // Nowele wybrane. Warszawa: PIW, 1957. S. 349-360.
- 7. Sienkiewicz H. Trylogia (Ogniem i mieczem. Potop. Pan Wołodyjowski). Warszawa: PIW, 2011. 1008 s.
- 8. Sienkiewicz H. W pustyni i puszczy. Kraków: Greg, 2010. 296 s.
- 9. Sienkiewicz H. Z pamiętnika poznańskiego nauczyciela // Nowele wybrane. Warszawa: PIW, 1957. S. 107-130.
- Szycówna A. Rys historyczny literatury dziecięcej // Szycówna A., Karpowicz St. Nasza literatura dla młodzieży. Warszawa, 1904. S. 41-107.
- 11. Uchwala Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 18 grudnia 2015 r. w sprawie ustanowienia roku 2016 Rokiem Henryka Sienkiewicza [Электронный ресурс] // Senat Rzeczypospolitej Polskiej. URL: http://www.senat.gov.pl/gfx/senat/userfiles/_public/k9/dokumenty/druki/000/021s.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
- 12. Zakrzewski B. Sienkiewicz dla maluczkich // Arka przymierza. Wrocław, 1995. S. 209-248.

HENRYK SIENKIEWICZ AND THE FORMATION OF POLISH CHILDREN'S LITERATURE

Guseva Ol'ga Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Saint Petersburg University

gusewa 2004 @mail.ru

The article is devoted to the role of the Polish writer Henryk Sienkiewicz in changing the attitude to the theme of childhood in literature and formation of the modern Polish literature for children and youth. The author examines both the works by Sienkiewicz, written for adults, but included in children's reading, and his original creative work for children's audience.

Key words and phrases: Polish literature of the XIX century; Polish children's literature; literature about children; creative work of Henryk Sienkiewicz; the era of positivism; prose.